

Илья Паньков

18+

История одной болезни

повесть

Илья Вячеславович Паньков

История одной болезни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40683964

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0823-3

Аннотация

Извечная история – он и она. Она в попытке уйти от детских психологических травм и домашнего насилия все сильнее погружается в собственный разум... Он – человек, способный ощущать жизнь только через призму новых отношений и пагубных пристрастий... Способны ли они исцелить друг друга? Или подобные отношения неминуемо ведут к катастрофе... Повесть блогера, журналиста, номинанта на национальную премию «Писатель года 2018».

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	45
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Часть первая

Посвящается У.

Глава 1

Из разговоров с психоаналитиком

– И весь этот дуализм, вся эта вечная борьба, добро и зло, отвага и трусость, тоска и радость, преданность и предательство, истина и тайна, и если хотите, даже в некотором роде жизнь и смерть – здесь в материальном мире, представлен отношениями мужчины и женщины. Не в смысле, что я хочу сказать, будто мужчины это добро, а женщины зло, или наоборот. Нет. А в том смысле, что все эти перечисленные категории, явления, возникают в связи с существованием этой разнополости. Я надеюсь, вы понимаете, что такие понятия, как истина и тайна я беру не в физическом смысле, а в смысле духа противоречий. И с этим не поспорить. Вечная жажда наполниться, смешаться с другим, противоположным тебе полом, эта тяга противоположностей и правит миром, это и есть сама жизнь.

Я смотрю на него, мужчина под сорок. Одет приятно: пальто, рубашка, галстук, брюки – все одного пастельного тона, все довольно дорогое и новое. Значит, его профессия приносит неплохой доход. Лицо гладко выбрито, волосы с проседью коротко подстрижены. Лицо ничем непримечательно, скорее даже немного несимпатичное. Лопнувшие капилляры на кончике носа, выдают в нем любителя спиртных напитков. Когда он в очередной раз затягивается сигаретой,

я обращаю внимание на его руки, обручального кольца нет, только небольшой золотой перстень на мизинце.

Я думаю, над его словами и говорю:

– Мне всегда казалось, что мужчина и женщина встречаются для определенной конечной цели, создать семью, и наконец, произвести потомство.

Он реагирует почти мгновенно, как будто произнесенное мною было именно тем, что он хотел услышать:

– Вот, это и есть самая глубокая и самая ужасная ошибка, которая может постигнуть при рассуждении на данную тему. В борьбе противоположностей нет никакой конечной цели, кроме самой борьбы. А то, что вы называете конечными целями, есть только результаты, или проявления этой борьбы. Это как игра, в которой нам приходится участвовать, и у этой игры есть свои правила, которым, хотим мы этого или не хотим, приходится следовать. Будьте уверены, что как бы вы не пытались, не играть в эту игру, она сама, все равно сыграет в вас. И вы не можете ни убежать, ни скрыться – она найдет вас даже на вершине Килиманджаро. Единственный способ не играть вовсе, это и не жить совсем. Из чего я и заключаю, что борьба противоположностей – есть сама жизнь, а здесь на Земле она представлена отношениями мужчины и женщины.

Эта наша третья встреча. Помню первую, я воспринял, как необходимость, но он каким-то образом увидел меня где-то внутри, подцепил и потянул из моей раковины. По-

степенно я начал принимать участие в этих разговорах, пока робко, высказывать свое мнение, по тому или иному вопросу, поднимаемому им. Видимо это и была его цель.

– Боюсь показаться неоригинальным, но мне кажется, то о чем вы говорите похоже на, то, что называют, простым словом – любовь, – произношу я.

– Любовь? Что это? Лишь эфемерное понятие, придуманное людьми, для того, чтобы оправдать, свои не лучшие порывы, свое никчемное существование, свой страх, лень, близорукость и безрассудство. Но людей судить глупо, ведь они всего лишь орудие в руках вечной борьбы. А сейчас прошу меня простить, но мое время подошло к концу.

Ах, да, и я вспоминаю о деньгах.

Амфетамины с алкоголем создают странное ощущение нереальности, и реальность реальности нереальной. Такие мысли бороздят мой внутренний космос, в котором я рискую, временами заблудиться.

Мы за столиком кафе, афтепати, время часов пять утра. После последней дороги, я уже не пью, передо мной чашка с кофе и молоком в руке дымящаяся сигарета. Справа от меня сидит девушка Настенька, милая блондинка с огромными невинными глазами, хрупким телосложением подростка и как минимум третьим размером груди. Разговаривает она таким тоненьким голосочком, что в сочетании с фигурой, кажется, что ей пятнадцать или шестнадцать, на самом деле

вроде двадцать или двадцать один. Напротив жадно целуются Стас и его девушка, со странным именем Инга. Возле них на столе два стакана с виски и яблочным соком. Время от времени, Стас с Ингой разлепляются, пьют, курят и что-то говорят. Пепельница полна окурков, официант к нам подходит не часто. Настенька пьет кофе-латте.

Моя карма уже не горит огнём, а медленно растекается по кафе, я наслаждаюсь первыми признаками рассвета за окном, вижу, как розовым окрашивается весь мир, представляю приятную, прохладную свежесть улицы.

– Хочешь, я сделаю тебе массаж пальцев,– говорит мне Настенька.

– Да, конечно хочу,– отвечаю я.

Своими миниатюрными ручками она берет мою правую руку и нежно разминает все суставы пальцев. От ее рук в меня вливаются потоки нежности вперемешку с необузданной похотью. Теперь я уже не вижу в ней девушку-подростка. Теперь я волнами ощущаю эротическое возбуждение, от рук к плечам, от плечей к телу, в голову и резко вниз. Через пару минут, я уже сижу с уверенной эрекцией.

Восемь тридцать одна, при входе в квартиру, я бросаю взгляд на настенные электронные часы. На кухонном столе раскатываю по две дороге – долбим. Дальше звук долбит, как в системе диджитал долби, что-то улетает с кухонного стола, мы дико целуемся и страстно тремя друг о друга. Она на столе, я без брюк на свободе. Нет, это не девочка-подросток

играет с моим фаллосом, едва прикасаясь к нему тоненькой полоской трусиков, и чем-то горячим под ними. Это, как прикосновение к тайне – можно стоять на пороге бесконечно, с ощущением трепета первооткрывателя. Но она уже не в силах сдерживать себя, ее рука сильно и требовательно хватается мой ствол, я сдвигаю двумя пальцами полоску трусов, и вхожу резко. Старенький стол под нами стонет и вот мы уже на полу, я как всегда стираю левое колено в кровь, даже не замечая этого. Сильный амфетаминовый приход не перебить ничем, сексом можно заниматься бесконечно долго, пока не отрубит совсем.

А когда я просыпаюсь, то меня встречает серый, поганый закат. В квартире только я, тело трясет. Мне тошно и страшно от себя самого, от поступков, которыми я наполняю свою жизнь и от этих непредвиденных последствий. Я пытаюсь молиться, но мне кажется, что я никчем и Богу безынтересен, да и Он мне сейчас до лампочки. Иду и включаю горячую воду, смотрю, как медленно наполняется ванна. Прохожу на кухню, вступаю правой ногой во что-то липкое, нахожу сигареты, сажусь на стул, закуриваю и жду.

Глава 2

Как вы думаете, насколько глупо быть запертой в туалете? Нет, поставим вопрос по-другому. Вам двадцать шесть, вы опоздали домой на четверть часа и вас за это заперли в туалете. Сначала я кричала и стучала в дверь, теперь робко жду. Жду, когда он придет и выпустит меня отсюда. Я смирилась с его методами воспитания.

Когда я задумываюсь над тем, как оказалась здесь, конкретно здесь, за этой дверью – то вижу свою судьбу. Помню, как первый раз он привел меня к себе и показал мне эту проклятую картину. На ней девушка с моим лицом.

– Вот, видишь, я искал тебя всю жизнь, этой картине, почти сто лет, – сказал тогда он.

И это было настолько удивительным совпадением, что я ему поверила. Потом был секс. Он навалился на меня, пускал слюни, скрипел зубами и стонал, потом неожиданно быстро кончил. А мне было никак, я как будто сомнамбула, как будто во сне, пролежала под ним все это время. Теперь после семи месяцев, которые мы прожили вместе, я стала считать, что в сексе удел женщины доставлять удовольствие мужчине. Об этом говорит он, а я должна ему верить, иначе он меня накажет. Сколько неприятных вещей я сделала, чтобы доставить ему удовольствие. Нет, не скажу, что у меня не было сексуальных партнеров до него, со многими мне было очень

приятно в постели, но они мне были не интересны. Вот в чем заключалась моя беда. Прimitивные, глупые, не умеющие любить, наглые, необразованные. Как бы обрадовался, старина Фрейд, если бы он узнал, что я всегда сравнивала, своих партнеров с отцом. Он ушел от нас. Но я навсегда запомнила его широкую улыбку и то, что у него был ответ на любой вопрос. Звучит, как-то заезжено, но это так. А они, они во всем уступали, и не было у них такой улыбки, да и ответов, одни только вопросы. А потом появился он. Помню тот солнечный день в парке, странно теперь этот день вспоминается мне серым...

Щелкнул замок, это Он. Он идет. Он вернулся.

Из разговоров с психоаналитиком

– Итак, правило первое – все женщины врут. И если вы вдруг решили, что вам досталась самая честная, самая открытая, самая искренняя особь женского пола, то смотрите правило первое.

– Итак, правило второе – все женщины врут и изменяют. И если вам еще не изменили, то поверьте, это только вопрос времени.

Я смотрю на него. Сегодня он без галстука, и даже в спортивной куртке, кажется, пьян, немного сильнее, чем обычно, но разговоры завел обычные. А он тем временем затягивается очередной сигаретой и продолжает:

– Из родителей у меня была только мать. Так вышло, что ее никогда не было дома, ей приходилось много работать, чтобы обеспечить меня с сестрой. Воспитанием нашим, занималась старшая родная сестра матери – тетушка Таня. Тетушка Таня была замужем и имела своих двоих детей, мальчика и девочку, соответственно старше меня и сестры по возрасту. Таня нигде не работала, работал только ее муж, а она растила детей. Растила, надо отдать ей должное, без разделения, где, чей ребенок. Была добра и справедлива. Провинившегося наказывалась сильным подзатыльником. Хорошо отличившегося – поцелуем. Умна и что немаловажно, очень вкусно готовила. Но, главное не это. Главное то, что она в нас вливала в области морали – никогда не врать, быть честными, искренними, добрыми, при необходимости жесткими. Тетушка была словно духовным рулевым для нашей семьи. Воздействовала, через книги, фильмы, поэзию. Ни одно решение, не принималось без ее ведома, и одобрения. Она всегда знала, что и кому нужно делать.

Но, вот однажды, как-то само собой, всем стало известно, что тетушка Таня изменяет своему мужу. Было у них не все в порядке в сексуальной жизни. В общем, мой дядя рано стал импотентом, и она нашла себе какого-то бухаря, поила его за свой счет, а он ее драл. Драл видимо неплохо, так как связь эта продолжалась довольно долго. Не буду рассказывать, как об измене узнал муж, звонки, страсти и т.д., я пропущу. Если интересно, то скажу, что муж ее так и остался вместе с ней,

привычки и люди история отдельная. Нет, мораль в другом, а именно – все те постулаты честности и искренности, которые тетушка растила в нас, в один миг рухнули. Принципов больше не было, а вы можете представить, что такое для подростков разрушение принципов – это почти крах всего мира. Тем более когда, их ломает любимый, и сверх авторитетный человек. В общем, ничего хорошего из всего этого не вышло, ни для тетушки, ни для нас. Например, ее родной сын до сих пор не подходит к трубке телефона, когда она звонит. А все это я рассказал к тому, чтобы подчеркнуть – когда в женщине заговорит голос похоти, ей будет совершенно плевать и на свои принципы, и на свое племя. Вот так, итак правило третье – все женщины лживы, похотливы и беспринципны.

Не скажу, что я полностью согласен с ним. Я чувствую интуитивно, что-то неправильное в его рассуждениях, да и всегда чувствовал, но, тем не менее, начинаю свою историю, как будто в поддержку его. А он тем временем закуривает новую сигарету.

– Мой отец ушел от нас с матерью, когда мне было три года. Тогда я ничего не мог понять и просто взял на веру, что он козел, который нас бросил. Так все преподнесла мне мама, а причин сомневаться в маме у меня не было. Ну, козел и козел, бросил и бросил. Было обидно, конечно, что почти у всех в школе, или на улице – был папа, а у меня не было, но сейчас это не столь важно. Я рос, и росло мое понимание окружающего мира, теперь простой довод – козел, меня уже

не удовлетворял, мама это видела и однажды приоткрыв завесу над тайной, поведал душеспитательную историю о предательстве. Как-то мой отец уехал отдыхать на море. Уехал и уехал, вернулся и все в порядке, но вот наметилась в парне одна странность – внезапная любовь к почте. Рано утром, в субботу, когда на ближайшее почтовое отделение приходила свежая корреспонденция, не смотря на выходной, он вскакивал и шел забирать свежие газеты и письма. Так бы и шло, если б не повышенная подозрительность моей мамы. Однажды в субботу, она встала пораньше папы и отправилась на почту, а там, на лицо следы любовной переписки. Дальше скандалы, развод и все такое.

Я жадно делаю глоток воды из граненого стакана, в горле пересохло, на миг замолкаю и продолжаю:

– И только спустя много лет, когда я уже стал самостоятельным, и мог залихватски посидеть с мамой в баре, она мне созналась, что из трех прожитых лет с отцом, на протяжении двух у нее был любовник. На вопрос – почему? Она мне ответила странно и до ужаса просто: « Женщине всегда не хватает денег на какую-то мелочь».

Я замолкаю. Он смотрит на меня, кажется с одобрением. Тушит сигарету в пепельнице и произносит:

– Итак, есть три правила относительно женщин, и пусть нас не вводит в заблуждение то, что у кого-то из них не было возможности подтвердить эти правила, или просто не хватило духу воспользоваться возможностями, все это сидит в

них до самой смерти.

Я тут с вами заболтался, и совершенно забыл о времени.

Ах, да, и я снова вспоминаю о деньгах.

Глава 3

Опять я проснулся дома у этой рыжей. Чертовски удобное месторасположение квартиры, живет одна, вот мое неменяемое состояние меня и подводит. И главное никакой симпатии у меня к ней нет. Как сексуальный партнер она мне не интересна – жутко красится, непонятно одевается, и возраст там хрен поймешь какой. Очень любит коньяк, да и просто выпить. Бухает как мужик, долго настойчиво и все подряд, при этом с ног не валится. Из достоинств, наверно начитанность, наличие собственного мнения и вот эта квартира. А вообще она сумасшедшая – помесь Ренаты Литвиновой с этой рыжей актрисой, что играла в сериале по Дарье Донцовой.

Помню, завалили мы поздно ночью с приятелем и коньяком. Судя по звукам из спальни, приятелю не повезло, вот пускай он и отдувается. Я лежу на диване в кухне, на мне брюки и рубашка, надо мной стол с какими-то неприятно пахнущими объедками. Достаяю из кармана брюк, мобильник – время 10-17 утра. Надо отсюда валить по-тихому. Встаю, беру с кресла рядом свой пиджак, одеваю, прохожу в прихожую, обуваю мокасины, и даже без захода в ванну покидаю квартиру. Меня провожают звуки страстной вакханалии.

Вызываю лифт, опускаюсь на нем, машу рукой консержке, и наконец-то оказываюсь на улице. Нахожу в кармане пи-

джака сигареты, зажигалку, закуриваю, поднимаю взгляд к небу – день обещает быть пасмурным. Прислушиваюсь к себе – чем бы мне сегодня хотелось заняться? И с этой мыслью я медленно удаляюсь от дома, где проживает рыжая Литвинова.

Пройдя пару кварталов, понимаю, что заниматься ничем не хочется, разве только упасть дома перед компьютером. Точно, я же хотел взять у племянника, ту прикольную игру, где валишь зомби. Определившись, я уверенно направляюсь к автобусной остановке.

На звонок в дверь мне долго не открывают. Наконец щелкает замок и в проеме появляется мой, дорогой, племяш Толик.

– О, привет, – говорит он, – а у меня только урок французского закончился.

– Привет, – отвечаю я и прохожу в квартиру.

Вообще племянник у меня прикольный. В свои тринадцать в компьютерах шарит, будь здоров, как-то даже вылечил мне «виндовс». Увлекается Толкиеном и по вечерам лупит пацанов, одетых в самодельные доспехи, деревянным мечом. Вот французский учит. Зачем ему французский? Учил бы как все – английский.

– Слышишь, Толик, а зачем тебе французский? – спрашиваю я, нагнувшись, развязывая себе шнурки.

– Мама говорит, что французский всегда был и будет языком интеллигенции, – весело кривляет он голос моей сестры

откуда-то из другой комнаты.

– А ее, по-видимому, дома нет, раз ты позволяешь себе такие кривляния.

– Нет, сегодня же суббота, они с Эдиком поехали по магазинам.

Эдик – это новый муж моей двоюродной сестры. Жены они всего два года, Толик вроде все прекрасно понимает, общается со своим настоящим отцом и зовет своего отчима просто Эдик. Наконец я справляюсь со шнурком на левом мокасине, который затянулся в узел и вдруг слышу над собой девичий голос:

– Добрый день.

От неожиданности я слишком резко распрямляюсь, так что задеваю одежду, висящую надо мной на вешалке. Одежда падает, а я вижу перед собой очень милую барышню. Нет, очень красивую девушку, красивую какой-то еврейской, или итальянской красотой – смуглая, темноволосая, большие глаза, острый нос. На лице нет и следа косметики. Одета в синие джинсы и майку с диснеевским Гуфи – так мило, а под майкой наверно очень красивая грудь, по крайней мере, видно, что большая и в черном лифе. Не знаю, что-то происходит во мне, и я столбенею.

Из-за спины девушки появляется Толик и говорит:

– Ольга знакомьтесь, это мой дядя. А это Ольга, мой репетитор по французскому.

– Разрешите, – произносит Ольга. Наклоняется и подни-

мает из вороха одежды джинсовую курточку, одевает, тут же обувается, повернувшись ко мне шикарной попочкой. Вскидывает на плечо довольно тяжелую, видимо с книгами, сумку, затем таким глубоким, насыщенным голосом произносит:

– Ну, Толик до среды.

– До свиданья Ольга, – отвечает Толик и открывает входную дверь.

Уже за порогом она поворачивается, смотрит на меня, и как мне кажется, я что-то вижу в ее глазах, но Толик закрывает дверь, а я все так же стою на месте.

– Чего встал придурок? – выводит меня из ступора вопрос Толика.

– Заткнись, – отвечаю я и начинаю натягивать мокасины на ноги.

Ольгу я догоняю уже перед входом в метро:

– Извините э...

Она оборачивается:

– Да?

И что? Зачем я бежал, как полоумный, все мое красноречие уходит враз.

– Давайте я вас провожу, – все, что и могу произнести я.

– Зачем, я же уже дошла, – весело отвечает она, а за тем как-то помутненно, – да и Ему бы это не понравилось.

– Кому ему? – не понимаю я.

– Извините, мне надо идти, – уже совсем серьезно произ-

носит Ольга, разворачивается и уходит вниз по ступеням.

А я стою и смотрю, как ее проглатывают двери станции метрополитена, пока в моем кармане не звонит мобильный.

– Алло,– поднимаю трубку я, даже не взглянув на имя звонящего и слышу женский голос:

– Привет, сегодня в семь у меня, как и договаривались?

Вика, точно, я же с ней сегодня договорился.

– Да, конечно,– отвечаю я.

– Хорошо, до встречи,– слышу я, а затем короткие гудки в трубке.

Вика договаривается о встречи со мной за день, или два. В день встречи всегда осуществляет контрольный дозвон и ненавидит изменения в планах. Живет вроде сама, в шикарной однокомнатной квартире, отремонтированной по последним европейским технологиям и напичканной современной бытовой, аудио и видеотехникой. Всегда на позитиве, утром, когда принимаешь душ в ее душевой кабине, то из головки душа улыбается жизнерадостный смайлик. Этот смайлик у меня и ассоциируется с Викторией и еще такие слова, как солярий, фитнес, маникюр, педикюр, парикмахер, депиляция, бутики, модные салоны и стоматолог – раз в месяц. На вопрос, чем она занимается, ответила, что лучше мне не знать. Да, я теперь даже догадки не строю, скажу только, что когда у моего приятеля возникли трудности, Вика, единственный человек, который без проблем и тут же, выложила мне немалую сумму в У.Е. в долг. К любому действию в

своей жизни, она относится очень серьезно. Если я пришел к ней, то должен быть в хорошем расположении духа и отдохнувшим. Дальше легкий ужин, легкая выпивка и кокаин. Вика не уважает мое пристрастие к синтезированным наркотикам и любит, когда я делаю для нее, всемирно известный коктейль Б-52 с необычным ингредиентом – калуа, бейлис, кокаин, трипл сэк. Поджигаем и вперед. Три – четыре таких коктейля, плюс правильная обстановка и незабываемые ощущения при сексе вам гарантированы. Вика обожает ролевые игры, а вот сексом занимается словно спортом – долго, настойчиво, полтора, два часа – не предел.

Я стою у нее под дверью в 19-15. Звоню и слышу:

– Открыто.

Я толкаю дверь, меня встречает квартира залитая светом восковых свечей, в нос ударяет запах ароматического масла сжигаемого на углях, а потом я вижу, как она идет мне навстречу. Кажется, мы сегодня играем в Древний Египет и Клеопатру...

Глава 4

Вагон метро временами раскачивало из стороны в сторону. Какая-то странная усталость опустилась на мои плечи. Сил не было ни на то, чтобы пошевелиться, а даже открывать и закрывать глаза стало трудно. Я узнала свое состояние, мне опять не хотелось жить. Вернее даже не так, просто все вокруг происходящее стало казаться сном. Бесконечным, ни дурным, ни добрым, а просто – не со мной. Этот сон шел в моей голове, но про другую. Про девочку, которой с раннего детства, все вокруг говорили, как она красива. Тети и дяди при встрече, когда девочка куда-нибудь направлялась с мамой, обязательно вскидывали руки к груди и таким сладеньким голоском приговаривали:

– Ой, какая у вас хорошенькая дочка.

Дальше больше, во время учебы в школе, вдруг обнаружили ее незаурядные таланты. И девочка превратилась в отличницу. Отличниц обычно не любят. Но, это до поры. Пришло время, когда девочки перестают быть для мальчиков просто одноклассницами. И тогда оказалось, что девочка стала еще красивее и практически недоступной. Как может быть недоступна только красивая отличница. Ее любили все – от заучек сидящих на соседних партах, до хулиганов прогуливающих уроки на футбольном поле. Любили, но

очень боялись просто подойти. Не одно бесстрашное в драках сердце, вдруг уходило в пятки, при ее виде. И его хозяин предпочитал, просто обратиться с дороги этой девочки. Когда девочка осознала ту робость, которую она вызывает, то стала выбирать себе кавалеров сама. Едва уловимыми жестами, скрытыми намеками она увлекала их за собой. Тогда в моде была гитара, и в дворовой компании не принято было быть без поклонника. Но всех она держала на одинаковом расстоянии. Столько порванных струн и разбитых носов. Сейчас, все это вспоминается с легкой грустью и улыбкой, а тогда все было серьезно. Драмы, слезы, целая жизнь небольшого общества, от которой у девочки не осталось даже фотографий. Так, только обрывки, из воспоминаний, все превратилось в почти забытый сон. В шестнадцать, девочка впервые поцеловалась. Она сама долго и тщательно выбирала партнера, волновалась, а потом решилась. Тогда уже все целовались, многие девочки позволяли себе гораздо больше, и даже не скрывали этого. Но для нее, все это было серьезней. Она ждала его, одного человека, веселого и с широкой улыбкой. А пока его нет, девочка решила провести эксперимент. Она поцеловалась, и ей не то чтобы понравилось. Вообще эта девочка, трепетно верила в любовь. Когда-то давно она очень верила в любовь...

Следующая станция оказалась узловой. На перроне, прибытия поезда метро, ожидала толпа народа. Записанный на пленку голос произнес название станции и состав сильно

дернувшись, остановился, издав напоследок жуткий скрип тормозами. Двери распахнулись, и началось стремительное сражение за право оказаться в вагоне первым. Выиграла его полная женщина в возрасте. Используя свои массивные бока и толстые локти, она уверенно распихала всех конкурентов и ворвалась в вагон. Но свободного сидячего места не оказалось. И женщина, как-то сразу поникла. Зло, сверля меня глазами, она взялась за поручень над моим местом. Демонстрируя всем своим видом, прежде всего свой почтенный возраст, ну и конечно желание присесть. Я не шелохнулась. Во-первых, эта женщина мне была не приятна. Я знаю такую породу. Наглые, беспринципные, постоянно сплетничающие, вечно жующие и злые. Злые на всех вокруг, недовольные своей жизнью, но страстно верующие в свою правоту. И в те ценности, от которых веет духом жаренных на кухне котлет. А во-вторых, сил встать не было. «Ничего, пускай постоит» – подумала я, тем более, что ехать мне осталось пару станций.

На улице мне стало полегче. Легкие порывы ветра придавали телу ощущение свежести. Среди затянувших небо облаков, наконец, наметились разрывы. И теплые солнечные лучи, то и дело просовывали в них свои руки, нежно поглаживая мои волосы и лицо. Я глубоко вздохнула, и не спеша направилась к дому Игоря. Называть эту квартиру своей или нашей, мне в последнее время, становится все труднее.

По небольшой аллее, упирающейся в нужный мне дом, я

дошла до лавки, скрытой в тени зеленых листьев, широкого каштана. Вокруг, то там, то здесь, на землю, опускались голуби и принимались, выискивая себе пищу. Я присела на лавочку, достала из сумки булочку, купленную, чтобы перекусить в обед. Она мне, так и не понадобилась. И стала крошить булку под ноги. Голуби, сначала с испугом, сомневаясь и по одному стали опускаться возле меня. А потом на угощение их собралась целая стая.

Я вспомнила, как мы с Игорем ходили в зоопарк. Меня, тогда мало удивили слоны и медведи. А понравились мне страусы. Нет, они не зарывали голову в песок, и не носились по загону с огромной скоростью. Просто вышагивали, равномерно раскачивая своими головами на длиннющих шеях, иногда даже высовывая их над оградой. Хоть недалеко и висела табличка с просьбой не кормить животных, принесенными с собой продуктами. Но одного я покормила, такой, же сладкой булочкой. Страус резко выхватывал ее куски с моей ладони. А потом мы с Игорем, ели хот-доги и пили пиво, в небольшом сквере на лавочке. Ведь неплохо же было.

Не знаю даже почему, но я вновь вспомнила о девочке жизнь, которой вижу во сне. И перед глазами замелькали картинки.

Тогда тоже, папа повел девочку и ее брата в зоопарк. В центральный парк, в котором происходили все важные события небольшого городка, приехал зверинец. Клетки с животными, расположили вокруг клумбы, недалеко от летне-

го кинотеатра, – в котором, правда, фильмы уже много лет не крутили. Клеток было немного, меньше десятка. Здесь были волки, какие-то бараны, павлины и еще несколько видов птиц. Уже было откровенно холодно и животным было неуютно в открытых для всех ветров клетках. И девочка помнила, то разочарование, которое постигло ее при виде львов. Эти гордые животные, о которых она читала, и которых видела по телевизору, здесь вживую выглядели, какими-то облезлыми и утомленными. Лев с львицей и молодым львенком, все время лежали, стараясь посильнее, прижаться друг к другу, и тем самым сохранить хоть, какое-то тепло. И еще возле их клетки чудовищно воняло. Только, когда уже после неизвестно какого круга мимо клеток, было решено покинуть зверинец, лев взбешенный, наконец, очередным мальцом, желающим увидеть его реакцию, заметался по клетке, грозно рыча.

Папа отвел детей в игровой центр, со старыми, еще советскими автоматами. Был он расположен здесь же на территории парка. На новые деньги, там покупали старые пятнадцати копеечные монеты, которые использовались, как жетоны. Брат девочки, не отрываясь, играл в морской бой, сильно прижимаясь лицом к прицелу. Долго целился, а потом выпускал торпеду, нажимая на кнопку расположенную, на рычаге, торчащем из прицела. А девочка с отцом играли в аэрохоккей. Папа тогда, так нелепо выглядел в своей огромной меховой шапке из песка, или что-то в этом роде и в зе-

ленной ветровке. Он просто только, только вернулся с Крыма, а там, как он рассказывал, зимой было тепло. Почти не было снега, и он мог проходить всю зиму в ветровке.

Из воспоминаний меня вырвало осознание чего-то присутствия. Я подняла голову и увидела не далеко от себя старушку, из подъезда Игоря. Старушку эту все считали сумасшедшей. Она жила одна, часто вела беседы сама с собой и держала в квартире больше десятка кошек. От этого, а может еще от того, что она редко мылась, от старушки плохо пахло. Несколько раз в день она выходила со своей кошачьей свитой во двор – на прогулку. И кошки следовали за ней словно верные псы, далеко не разбегались. Старушка смотрела на меня. Все мои голуби разлетелись.

– О чем грустишь, милая? – спросила она.

– О девочке, – не знаю даже зачем, ответила я и поднялась с лавочки, чтобы идти домой.

Небо уже окрасил в печальный розовый свет заката, скоро Игорь должен вернуться с работы.

– Не грусти, эта девочка еще в тебе. Только спит, – вдруг услышала я слова старушки. Что-то отозвалось во мне на эти слова, но я все равно уверенно зашагала в сторону дома.

«Сплю я, и вижу сны про нее» – пронеслось в моей голове.

Глава 5

Вообще, человек я довольно впечатлительный, обладающий ярко выраженной фантазией – но чтобы так. Три дня я проживаю в каком-то наркотическом ступоре. Встаю рано утром и езжу на работу, возвращаюсь вечером, обессилено валюсь на кровать, но стоит мне забыться во сне, как я просыпаюсь и проваливаюсь в бесконечную цепь размышлений. Думаю о жизни, прокручиваю в голове события юности, оцениваю и взвешиваю, а заканчивается все мыслями о репетиторе моего двоюродного племянника. И так до утра. Совершенно выжатый вновь поднимаюсь на работу, а вечером все повторяется. По ощущениям, мысли о ней меня теперь не покидают никогда, они просто болят внутри, то сильнее, то слабей, а по ночам нервы оголяются, и становится нестерпимо больно.

Именно по этому, в среду, в 9-30 утра я звоню в квартиру своей двоюродной сестры. Дверь мне открывает заспанный Толик:

– О, привет, ты чего так рано?

– Да, вот, хочу у тебя диск взять поиграть, сегодня выходной – делать нечего. А где мама? – говорю я, разуваясь в прихожей.

– На работе они, а у меня сегодня день самоподготовки.

Проходи на кухню.

Толик набирает чайник, ставит его на газ, достает растворимый кофе, хлеб, масло, колбасу. Мы завариваем кофе, делаем бутерброды и жуем, он, не переставая, треплется – рассказывает мне про какую-то новую игру. Когда с бутербродами покончено, я как бы невзначай интересуюсь:

– А у тебя сегодня французский есть?

– Да, Ольга должна прийти где-то пол одиннадцатого.

Я смотрю на часы – 10-10.

– Значит так Толик, сейчас мы будем играть с тобой в разведчиков. Идем на балкон и смотрим в оба, как только на горизонте появляется Ольга, ты набираешь ее на мобильный и говоришь, что заболел – например, гриппом. Ну, извинишься и скажешь, что урок придется отменить. Ясно?

Толик смотрит на меня с серьезным выражением лица, а через секунду он произносит:

– Резон?

– Что, резон? – не понимаю я.

– Ну, какой для тебя резон, я хоть мал еще, но понимаю, а вот для меня какой?

– А, ясно, – с улыбкой отвечаю я и показываю ему двадцатку.

Толик задумывается, качает головой в знак отрицания, и говорит:

– Нет, я слишком люблю свои уроки французского.

Я достаю из кармана полтинник, который тут же переко-

чевывает в руки Толика. И он с воплем:

– Занять пост наблюдения, – вприпрыжку удаляется на балкон.

Я нервно курю уже третью подряд сигарету. Толик скрутил себе из листа бумаги подзорную трубу, смотрит в нее и иногда бросает, что-то типа:

– Первый, первый – я седьмой, вижу бабу Полю из соседнего парадного. Уничтожить?

Рядом с ним лежит трубка радиотелефона. На улице погода портиться, сгущаются тучи, начинает накрапывать мелкий дождик.

Наконец со стороны метро появляется она. Синие джинсы и джинсовая курточка, книжки под мышкой – похожа на студентку. Внутри меня что-то екает, и я проваливаюсь вглубь себя. Стоит огромных усилий вернуться, чтобы действовать по плану. Рядом Толик верещит:

– Вижу объект, объект вошел в поле зрения!

– Ну, Толик не подведи, – говорю я и покидаю наш пост наблюдения.

Быстро обуваюсь, покидаю квартиру и галопом спускаюсь по лестнице. Теперь главное незаметно зайти с боку. Я выскакиваю из парадного и сразу начинаю забирать влево, чтобы обойти соседний дом. Иду быстро, почти бегу, вот последний поворот и она – разговаривает по телефону. Слышу обрывок фразы:

–... ну, хорошо выздоравливай, до субботы.

Ай, да, Толик – молодчага. Теперь главное не мешкать, а то сердце совсем уйдет в пятки, и я врываюсь в ее утро:

– Привет, какая встреча.

Она видит меня, узнает, в ее взгляде появляется настороженность. Сухим тоном, своего насыщенного голоса Ольга произносит:

– Доброе утро.

– А вы, наверно к Толику на урок, я тоже к нему, ну пойдемте вместе.

– Да, вообще-то я шла к нему на урок, но Толик заболел, так что урок отменили, – все так же сухо отвечает она.

И все. Я не знаю, что сказать. Так глупо, когда ты совершенно не стесняешься женщин, можешь наплесть им любую чушь, обладаешь фантазией при помощи, которой на ходу сочиняешь рассказ. И вообще ты классный, веселый, симпатичный парень, но стоит встретить вот такую Олю, из-за которой не ровно бьется сердце и все, язык в жопе. Или, что еще хуже, начинаешь вести себя, как что попало, как паяц. В этой глупой попытке произвести впечатление и показаться лучше, чем ты есть.

– Ладно, пойду я, – говорит она.

Но погода была против, погода оказалась на моей стороне. Два сильных порыва ветра и морозящий дождик в одно мгновение сменился чудовищным ливнем. Нас окатило холодными струями.

– Пойдемте быстрее, вон в соседнем доме кафе. До метро

не дойдете – промокните совсем.

Не давая ей времени опомниться, я взял ее под руку и увлек в сторону кафе, а дальше мы уже бежали вместе.

Хоть мы и находились под ливнем всего минуту, но промокли до нитки. А внутри заведения было сухо, тепло, царил полумрак. Людей почти никого. Мы уселись за деревянный столик, и я заказал два глинтвейна:

– Лучшее средство, чтобы согреться...

А дальше, дальше что-то произошло, и она потянулась ко мне на встречу. Мне уже стало не нужно быть паяцем, не нужно производить впечатление, мы как будто объединились, как будто обрели целостность, и смысловую завершенность. Слова, эмоции, образы, воспоминания поплыли из нас на встречу друг другу. Потом оказалось, что кроме урока с Толиком, у Ольги сегодня больше никаких дел. Дождь закончился, и мы брели по улицам, затем снова заморосило и мы опять, где-то сидели, что-то пили, потом ели горячую выпечку. Я хотел затащить ее в театр, но билетов не оказалось и мы пошли в кино. А после кино, после кино она все чаще стала поглядывать на часы.

– Ты знаешь, мне пора.

– Хорошо, давай я тебя провожу.

Она посмотрела на меня грустно, улыбнулась, в который раз за сегодня показав свои чудесные ямочки, и произнесла:

– Нет, я поеду сама. Не надо меня провожать, боюсь Ему это не понравится.

После рухнувшей на меня фразы, я вдруг почувствовал, что чудесное ощущения единения, наполняющее меня весь день, в один миг рассеялось. Я, молча и быстро, довел ее до ближайшей станции метро. Холодной рукой черкнул на ее тетради свой номер телефона, мы сухо попрощались. А я остался смотреть, как Ольга исчезает на скользящем от меня вниз эскалаторе.

Глава 6

Вопрос А, и вопрос Б. Вопрос А – насколько морально, аморально, подло и не хорошо – заниматься сексом с одним человеком, а представлять на его месте другого? И вопрос Б – почему она меня до сих пор еще терпит?

Моя дорогая двоюродная сестра отвалила с семьей в Египет на две недели. Уроки французского приостановлены, на звонки Ольга не отвечает. И все.

А, Аля? Я знаю ее всю свою сознательную жизнь. Она даже была моей первой девушкой. Помню тогда на какой-то пьяной вечеринке, я нечаянно научился целоваться и после, оттачивал свое мастерство на Але. По вечерам мы так страстно обнимались на лавочке, что я приходил домой с чудовищной эрекцией. Потом в моей жизни появилась женщина и Алю я бросил. Через какое-то время снова завел с ней отношения, потом опять бросил. Помню даже как-то, подогнал ее своему другу. Но, все это в прошлом, а наши отношения продолжаются, уже черт знает сколько лет. Я приползаю, словно побитая собака, с настойчивой периодичностью. Аля, меня принимает, кормит, купает в ванной, ложиться со мной в постель. И ни слова упрека, за то, что я пришел пьяным, за то, что постоянно забываю, когда у нее день рождения, да и вообще могу в любой праздник прийти без подарка. Я даже уже в состоянии алкогольного опьянения, не обещаю

на ней жениться, как делал раньше. Нет, конечно, случаются и у нее в жизни отношения с молодыми людьми, тогда она немного прикрывается от меня, но проходит время и я опять на первом месте. Ничего не меняется, вот только в последнее время она стала полнеть, да в принципе, я тоже.

А сейчас, сейчас мы лежим боком на разостланном диване, включен телевизор, и я монотонно совершаю поступательные движения. Стараюсь не представлять, или представлять, на месте Али – Ольгу, оргазма по ходу не предвидеться еще долго. Просто упорный стояк. Аля тихонько постанывает. Нет, все-таки это форменное свинство, стоит заканчивать и вообще, женщин надо любить. Я увеличиваю скорость, Аля с остервенением начинает посасывать большой палец моей левой руки, и стонать – громко. Я прокручиваю в голове все – Ольгу, отрывки из порно фильмов и вот, он – взрыв. Главное вовремя вынуть, и я заканчиваю, при помощи своей правой руки, заливая Алину попу и спину. Она содрогается всем телом – в оргазме.

Почему Аля все это терпит? Любит?

Смена сюжета. Поздний вечер, но еще не до конца стемнело. Я лежу на диване, надо мной светятся звезды. Ну, знаете такие – фосфорирующие, которые приклеивают на потолок в детских. Все выключено, только на кухне со стабильной периодичностью, включается холодильник и капает вода из крана. Свет не горит – занимаюсь самокопанием. Зачем, почему? За каждым углом смерть, а я чего-то боюсь. Боюсь

быть самим собой, лишиться работы, упасть в чих-то глазах. Боюсь жить, любить, как в книгах Ремарка. И ничего не делаю, чтобы, как-то все изменить. Уличный свет все сильнее меркнет, в комнату заползают лучи фонарей через не зашторенное окно, звезды тускнеют. Странно, но даже весь уют, в квартире, в которой я проживаю, создан не моими руками.

В мир меня возвращает звонок телефона – Лена. Я на секунду задумываюсь, нет после последней встречи, когда ее двухгодовалый ребенок играл в зале, а я шпанил молодую мамашку на кухне, желания общаться с ней, нет. А начиналось все неплохо. Мы были приятелями по универу. Потом я уговорил ее перейти на другую, нужную мне работу, там она и познакомилась со своим теперешним мужем. Судьба? Нет, секс у нас с ней по-пьяному, имел место и раньше. Но, теперь.

– Муж все время на работе, а мне после родов так хочется, можно я буду заходить к тебе днем, иногда? Вот только Софочку оставить не с кем. Можно я буду брать ее с собой?

Вот вам общие интересы, любимые университетские лекции и жена, которая не работает, а сидит дома с ребенком. Я отключаю звук на телефоне, и тупо жду, когда Лене надоест мне звонить. Наконец она успокаивается, и я медленно начинаю съезжать – в свой мир грез. Как вдруг слышу звук прокручиваемого в моем дверном замке ключа, а он есть только у меня, или у РИТЫ! Ура! Вот ее-то руками создан весь уют

в этой квартире.

Не знаю, какой извращенный Вселенский разум свел нас вместе, но мы, пожалуй, одно. Рита, как это не пошло – стюардесса. Мы арендуем с ней, на двоих квартиру, на протяжении двух лет. Ее мама считает, что она живет с подружкой, а мне пофиг. Рита появляется пару раз в месяц, на несколько дней. А иногда живет со мной неделю или даже две. Тогда мы становимся семьей. Она готовит мне ужин, да и вообще за мной ухаживает – выщипывает брови, делает маникюр, педикюр, давит прыщи, ходит со мной на дни рождения приятелей, и с гордо поднятой головой выдерживает статус девушки, что со мной. Помогает мне, когда я блюю и режет на похмелье крошечку, я ей тоже. Дороже, а точнее ближе для меня человека сейчас нет. Спим ли мы? Конечно, еще как. Иногда под кайфом в постели творим такое, что поутру бывает даже немножечко стыдно, друг перед другом. На этот новый год, я подарил ей здоровский вибратор, по-моему, ей понравилось.

Я вскакиваю с дивана в прихожую и зажигаю в ней свет. Рита вваливается со своей дорожной сумкой на колесиках, опускает ее на пол.

– Привет зайчик.

– Привет.

Мы целуемся по-товарищески в губы и обнимаемся. Потом целуемся еще – нежно. Я опускаю руки с ее талии на попу, и по-хамски прихватываю.

– Подожди, я вся грязная,– говорит она.

Но если бы вы видели эту миниатюрную симпатичную ша-теночку, с разрезом глаз, словно у лисички, да еще и в синем летном костюмчике.

– Мне плевать,– говорю я, и тащу ее на диван.

Она задирает юбку и скидывает стринги, кстати, Рита ходит в чулках. Давно вам попадалась девушка, которая ходит в настоящих, повзаправдишных чулках – это нечто. Я ва-лю ее на диван, расстегиваю белую блузку на ней, приспус-каю лиф, целую хорошенькую аккуратную грудь, но не дол-го. Наконец, с нетерпением вхожу в нее – она готова, двига-юсь быстро. Рита впивается в мой правый сосок, когда она так делает, я долго не могу и вот он – наш общий оргазм.

Она встает почти сразу, раздевается совсем, говорит мне:

– Заряжай,– и уходит в душ.

А я курю лежа на диване.

Рита меня балует, постоянно, что-то привозит из дью-ти-фри. В этот раз – восемнадцатилетний «чивас». Я достаю из бара, купленную ей же литровую бутылку текилы – «са-уза бланко», в ней с пол литра. Разливаю по стопкам, режу лимончик, готовлю какую-то легкую закуску. Беру походную флягу, бодяжу в ней «чивас» с кока-колой из холодильника.

Рита появляется завернутая в полотенце.

– Ну, давай.

Соль, текила, лимончик и крепкий поцелуй – такая у нас традиция. Дальше мы наваливаем рюмок по пять, Рита ве-

село щебечет.

– Что, погна́ли? – спрашиваю я.

– Да, одеваюсь, – отвечает она.

Мы быстро собираемся, Рита надевает на себя мою теплую кофту с капюшоном, дальше лифт, последний этаж, ступени, железная лесенка, и мы на крыше нашего дома. Любимое место – мое и Риты. Шикарный вид на пол района и не души вокруг. Она достает из кармана джинс – «пятку»:

– Заколоти.

Я сооружаю косячок, мы курим травку, пьем виски с колой, и теперь начинается разговор. Это тоже такая традиция – залезть на крышу, напиться и рассказать друг другу новости, о себе, или еще о чем-то, что беспокоит, в общем, в таком духе. Просто поговорить с близким человеком по душам. У Риты в последнее время новость одна, какой-то стюард или пилот, настойчиво зовет ее замуж, а она не хочет:

– Представляешь, этот придурок совсем обложил, втерся ко всем моим друзьям, я без него теперь шагу не могу ступить. В Вене два дня из-за него в гостинице просидела. И главное не знаю, как до него достучаться, говорю Рома, я не хочу за тебя замуж, а он уперся и все о своем. Он же не ты, вот за тебя бы я пошла.

– Ты же мне изменяешь, – говорю я.

Она улыбается и произносит:

– Не доказуемо. Ну, а как ты?

– Влюбился.

– Что, опять? Твоя периодичность потрясает.

Я на секунду задумываюсь и произношу:

– Да, нет, мне кажется, что здесь все серьезней. И еще кажется, что я ей абсолютно не нужен.

Рита подходит ко мне вплотную, обнимает и говорит:

– Помнишь, что было написано у царя Соломона на перстне?

– Все проходит, и это пройдет, – отвечаю я.

– Ну, вот. А сейчас мы молоды, пьяны, в отличной компании, хочу этим насладиться. Давай больше не будем о грустном.

И она передает мне флягу с виски-колой.

– А когда ты улетаешь? – спрашиваю я.

– Двадцать седьмого.

– А сегодня, какое?

– Двадцать третье.

Я замолкаю, а через мгновение говорю:

– Ну, что ж, тогда действительно надо спешить радоваться жизни.

И делаю большой глоток из фляги.

Через десять минут мы танцуем на крыше, потом, что-то бросаем вниз, в общем, набираемся знатно. Шумно опускаемся по лестнице, едем в лифте и наконец, попадаем в квартиру.

Тут Рите становится плохо. Я веду ее в ванну, придерживаю ей волосы, пока она блюет в унитаз. Наконец, Рита

успокаивается и быстро засыпает на диване, рядом с ней на полу, любезно преподнесенный мною тазик.

Я тоже пьян очень сильно. Беру сигарету, иду на кухню, чтобы покурить. Вижу на кухонном столе свой мобильник. Он мигает принятым сообщением. Открываю: «мой адрес Григоренко 7б, кв.15. И мне нужна твоя помощь. Ольга». Ну, наконец-то.

Глава 7

Я просто слушаю время. Оно шуршит, капает, тикает настенными часами, врывается порывами ветра в открытую балконную дверь, голосами людей, проходящими по улице, шумом от проезжающих машин и трамваев. В комнате все сильнее сгущается сумрак, а я просто лежу на диване и слушаю время. И даже не думаю. Нет, иногда в моей голове проплывают какие-то бессвязные мысли. А из эмоций? Из эмоций – только страх, там глубоко внутри.

Я смотрю на мобильник, зажатый в руке – время 19-37. Если бы Он с работы сразу поехал домой, то был бы уже здесь минут тридцать. Но Его нет. Значит, Он опять где-то пьет, а значит неизвестно чего мне ждать, и в каком настроении Он придет. Поэтому я не включаю свет, ничего не делаю, а просто лежу на диване, слушаю время.

Не знаю, наверное, я задремала, потому что, когда очнулась от звука открываемой двери – в комнате было уже совсем темно. И тут же, меня всю прожгла холодная, как лед мысль – Он пришел.

Он влетел в квартиру, как ураган. Во всех комнатах запылал свет. Увидев меня, Он заголосил:

– Вот ты где проклятое отродье!

И с силой сдернул за ногу меня с дивана. Я упала на пол, больно ударившись спиной. И началось:

– Ты, ты думаешь меня искусить, поработить, загнать в рамки. Хочешь, чтобы я как баран слушался тебя, а ты бы спала со всеми подряд. Я знаю ваши бабские штучки. И ты как все. Но я не стану твоим слугой. Слышишь ты? Не стану. Тварь, я нашел тебя в грязи, в твоей грязной общаге, где ты трахалась с кем попало. Я кормлю тебя, пою и одеваю, и ты думаешь, что я тот козел отпущения за счет, которого можно все. Думаешь, я не знаю о твоих похотливых желаниях, а? Отвечай тварь.

В такие моменты я не в силах что-то Ему сказать. Внутри я вся скукожилась, я несчастна и беззащитна. Но моя беззащитность разжигает Его еще сильнее – всегда.

Он приподнимает мою голову над полом.

– Ну, что тварь? Где ты сегодня была и с кем трахалась? Я тебя спрашиваю, ты с кем-то сегодня трахалась?

– Нет, – все, что и могу произнести я тихим осипшим голосом. Из моих глаз градом катятся слезы.

– Врешь сука.

И он со всей силы бьет меня кулаком в лицо. После удара я не проваливаюсь в обморок, но вхожу в какое-то глубоко-апатичное состояние. Теперь все происходящее, как будто не со мной, а как в черно-белом кино, или как через старую целлофановую пленку. Я только инстинктивно сжимаюсь, когда он отпускает меня и начинает пинать ногами. Откуда-то из далека, до меня долетают слова:

– Тварь, лживая тварь... я пригрел у себя лживую суку...

Наконец Он перестает меня бить, хватая за волосы и тянет в туалет. Запихивает в уборную, с ненавистью плюет сверху, бросив напоследок:

– Здесь твое место сука,– закрывает дверь и выключает свет.

Я сворачиваюсь в комочек у самого унитаза. Слушаю, как Он закуривает, ходит по квартире и что-то бормочет. Потом, Он мочится в ванну, чтобы не открывать меня в сортире, а через время все затихает. Теперь, наконец, я могу пошевелиться. Губа и нос сильно болят – видимо, они разбиты. Я вытираю ладонью лицо, размазывая по лицу кровь, слезы и сопли, а потом просто лежу – меня всю трясет.

Через неопределенное количество времени, я начинаю ощущать свое тело. Что-то зажато в моей руке. Смотрю – мобильник. Видимо я так и заснула с ним в руке, а потом не отпускала до конца моего наказания. Телефон! Первый раз я оказалась здесь с телефоном. Значит можно позвонить. Но куда? В милицию? В скорую помощь? В голове появляется смутный образ и номер телефона, записанный на моей тетради, который я почему-то запомнила наизусть. Это так глупо, я и видела этого парня всего пару раз. Но почему-то он внушил мне доверие. Но это так глупо, хотя... И я уверенно набираю сообщение, в котором указываю свой адрес, и что мне нужна помощь. Мне срочно нужна, хоть чья-нибудь помощь!

Глава 8

Рита улетела, зато прилетели моя сестра с племянником.

Странно, но я не рассказал Рите об смс полученном от Ольги. Обычно я говорю ей все, а тут не рассказал. И эти последние дни вместе прошли в каком-то напряжении. По крайней мере, с моей стороны. Я не был весел и беззаботен, я думал. Я думал, что надо, что-то предпринять. Но что? Мои звонки Ольга все также продолжает игнорировать. А ехать по указанному адресу... И что? Выбивать дверь с ноги, ломать кости, лупить подонков? Да, откуда я знаю, что у нее вообще произошло? Поэтому я так ничего и не предпринял. Поэтому и находился в смятении.

Мне кажется Рита, что-то почувствовала. Она не пыталась меня развеселить, надолго пропадала из дома, и только когда я помог ей донести, ее сумку до такси, грустно посмотрела на меня и сказала:

– Держись зайчик.

Поцеловала в щеку, села в машину и даже больше не посмотрела на меня.

А я продолжил жить, как и жил, ходил на работу, ел, спал. Раз в день пытался дозвониться до Ольги, но слышал только длинные гудки, и я ничего не предпринимал. Пока не прилетел Толик с моей сестрой. Пока им не позвонила Ольга и не сказала, что не сможет преподавать Толику французский

пару недель. Пока мне не надоело страдать.

И вот ровно в 8-00 утра, в день самоподготовки у Толика, мы с ним на Григоренко 7-б – в засаде. На нас кофты с глубокими капюшонами, бейсболки, на Толике даже солнцезащитные очки – маскировка. Я еле уговорил его не надевать перчатки и не тащить с собой толкиеновский меч. Ему идея следить за домом репетитора, видимо очень понравилась. Не знаю, чего он там наплел маме, чтобы оказаться здесь так рано утром, но видно, что Толик наслаждается приключением. А мне с ним веселей.

Мы облюбовали беседку напротив парадного с нужной нам квартирой, уселись лицом к входной двери, чтобы никого не пропустить. Толик достал из рюкзака, термос с кофе и бутерброды. Вот же продуманный пацан, интересно, что у него там еще есть на всякий случай? Мы почти не разговариваем, молча жуем, а я еще и курю. Не отрываясь, мы смотрим на дверь парадного.

Минут через пятнадцать, наружного наблюдения, становится ясно, что узнать, что-либо о квартире 15, просто наблюдая за людьми входящими и выходящими из подъезда, вряд ли удастся. Поэтому было решено наблюдать непосредственно за дверью квартиры 15 с лестничного пролета, над указанной квартирой. Благо дверь подъезда на кодовом замке, постоянно оставалась открытой. Такое наблюдение, по крайней мере, могло дать возможность увидеть, кто именно входит и выходит из квартиры. Решили, чтобы не вызы-

вать лишних подозрений, не мелькать вдвоем, нести вахту по очереди – минут по двадцать. Так как все мероприятие было организовано мной, то первым пошел я.

Я вошел в подъезд, поднялся на второй этаж, посмотрел на дверь загадочной квартиры. Дверь, как дверь – обитая, синим дерматином, желтая металлическая цифра 15 и дверной глазок. Я поднялся еще на один пролет, отсюда вид открывался, что надо. Я осмотрелся. Довольно чистый, не загаженный подъезд, видно, что в нем убирают. Стены и лестничные перила покрашены, свежей краской. Все вокруг говорит, что люди здесь живут давно, друг друга знают и уважают свой быт. Пожалуй, не стоит здесь курить, обязательно нападет, какая-нибудь старушка.

Как же мучительно долго тянулись мои первые двадцать минут. Я старался не отводить взгляда от квартиры 15, а все время вниз по лестнице шли какие-то люди, которые меня рассматривали, и мне приходилось делать вид, что я кого-то жду. Эдакого скучающего, но вынужденного здесь находиться человека. И еще все время хотелось курить. Наконец, в моем кармане пикнул мобильный, все пора сменяться. Я зашагал вниз по лестнице, вышел на улицу и закурил – из квартиры 15 так никто и не вышел. Настал черед Толика – дежурить.

В 09-47 мне окончательно сорвало. Сил маячить на лестничной площадке просто больше не было. Толик откровенно скучал, но надо отдать ему должное, не жаловался. И я

решился.

– У тебя есть тетрадь? – спросил у него я, когда он вернулся с очередной вахты.

– Блокнот, – удивленно ответил он.

– Давай, и ручку если есть.

Толик порылся в рюкзаке и достал большой блокнот с отрывными листами.

– Ручки нет, есть карандаш, – еще через несколько секунд копания в рюкзаке сказал он.

– Сойдет, – ответил я.

Взял протянутые мне карандаш и блокнот. Открыв блокнот на странице с какими-то математическими формулами, я произнес Толику:

– То, что надо, – и двинулся в подъезд.

Поднявшись на второй этаж, я смело позвонил в квартиру 14. Щелкнул замок на второй, внутренней двери в квартире, и кто-то уставился на меня в глазок. Я снял кепку, пригладил волосы, делая все это нарочито медленно, и так чтобы было видно блокнот с карандашом, громким ясным голосом произнес:

– Ольга Максимовна доброе утро.

За дверью на мгновение задумались. Потом вновь щелкнул замок, и дверь приоткрылась, на длину дверной цепочки. Из-за двери на меня уставилась полная пожилая женщина лет шестидесяти, с жуткой бородавкой на носу и в больших очках на шнурке.

– Ольга Максимовна? – спросил у нее я.

Она задумалась, а потом тихим, но чистым голосом произнесла:

– Нет, Маргарита Львовна.

– Как?– изобразил искреннее недоумение я, и уставился в блокнот, как бы сверяясь со списком, и потом негромко, сквозь зубы, но так чтобы было слышно, добавил:

– Опять в отделе статистики, что-то в списках напутали.

Еще мгновения постояв с глазами, опущенными в блокнот, и все сильнее концентрируя на себе ее внимание, я, наконец, поднял голову от «списка», и с улыбкой, громко, весело проговорил:

– А вы знаете Маргарита Львовна, ведь это и не важно...

Я сделал еще одну секундную паузу, чтобы до нее дошел смысл моих слов и продолжил:

– Дело в том, что городская мэрия, совместно с периодическим изданием «Человек», проводит социальный опрос под лозунгом «Мои соседи». После проведения опроса в названном издании будет опубликован ряд статей, о людях, которые прожили вместе много лет. О взаимоотношениях с теми, кто за стенкой, так сказать, о взаимопонимании, о чувствах, которые возникают между людьми, делящими один подъезд. Вот сколько вы здесь живете Маргарита Львовна?

– Двадцать семь лет.

– Вот, о чем я и говорю, вы же всех чудесно знаете в этом доме, поэтому я и обращаюсь именно к вам. Понима-

ете смысл всего этого мероприятия научить, новоявленных соседей, которые сейчас заполняют новостройки, и даже не знают, ни одного своего соседа по имени, да что по имени, многие не знают своих соседей даже в лицо. Научить их, и объяснить им, какая это ответственность быть чьим-то соседом. Понимаете Маргарита Львовна?

И вот тут мне повезло, вот тут я, кажется, попал в самую точку. Маргарита Львовна еще с секунду постояла с широко открытыми глазами, потом видимо осознав всю ответственность возложенной на нее надежды, быстро закрыла дверь, и через мгновение, так, что я даже не успел испугаться, что она скроется навсегда в недрах своей квартиры, открыла ее, но уже без цепочки. Представ передо мной в темно-синем халате с яркими алыми розами на нем, и в домашних тапочках надетых сверху коричневых носок. Она улыбалась. Пришла пора действовать.

– Вот, например, что вы можете сказать о жителях этой квартиры, – произнес я, указывая на квартиру под номером 13, – как живут, доставляют ли вам какие-то хлопоты, бывают ли у вас с ними конфликты, или наоборот?

Маргарита Львовна посмотрела на дверь квартиры 13, еще сильнее заулыбалась и заговорила:

– Что, вы. Там живут замечательные люди – Эрнест Павлович и Ольга Кузьминична. Настоящие интеллигенты, сейчас такие уже не рождаются. Он бывший ученый, она заслуженный кардиолог страны. Правда, деток им Бог не послал,

да государство маленькую пенсию начислило. Так и живут вдвоем, да старая собачка Ляля – «пекинес». А люди они очень хорошие, душевные. Часто мы, Митька мой, я, да они – вместе праздники справляем. Ко мне ведь теперь дети редко навещаются – взрослые стали, у всех своя жизнь. Младший мой работает... у них там,... а старшая... мне ее искренне, жаль... внучек мой...

Понимая, что история с детьми и внуками может продолжаться долго, я решил направить рассказ, наконец, в интересующее меня место:

– Ну, хорошо Маргарита Львовна, извините, что я вас перебиваю, но что вы можете сказать о соседях из квартиры под номером 15?

Маргарита Львовна на секунду задумалась и как-то затуманено произнесла:

– Игорь Александрович...

Еще секунду помолчала, а потом уже не громко заговорила:

– Ну, что? Живет там Игорь Александрович со своей гражданской женой. Человек он воспитанный, образованный, правда, выпивающий. Работает этим, как его? Дай Бог памяти – а психоаналитиком. Придумают же такое название. Ведет себя хорошо. Правда, между нами говоря, уж больно молодая у него сожительница. Он ей в отцы годиться. Ну, сейчас девицы такие – свободных нравов. Да и когда под градусом он поколачивает ее, мне через стенку слышно.

И тут, в это самое мгновение, щелкнул замок в заветной квартире под номером 15. А в открывающуюся дверь, я увидел Ольгу. Она смотрела куда-то вглубь, стоя, как бы выпуская кого-то из квартиры, и я видел только ее профиль. И мне почудилось, что на скуле у нее синяк. Но, вот из квартиры показался мужской силуэт,двигающийся к двери. Я быстро натянул на голову кепку, бросил:

– Ну, что ж, Маргарита Львовна спасибо за интересный рассказ. До свидания.

И устремился вниз по лестнице.

– Пойдите, куда же вы? Я вам еще про Степана Георгиевича расскажу – он настоящий отставной морской офицер, – услышал я за спиной возмущенный голос Маргариты Львовны.

– В другой раз, – в ответ прокричал я, – в другой раз.

Мужчина из квартиры 15 шел за мной. Я слышал, как он поздоровался с Маргаритой Львовной, слышал его шаги за собой, но я не мог обернуться, чтобы увидеть его лицо. И только оказавшись на улице, пройдя пару метров от парадного я, наконец, оглянулся и быстро спрятал взгляд под кепкой. Такого я не ожидал. Я был готов увидеть кого угодно – одноглазого Микки Рурка, Гитлера, Александра Малинина, но не его. Нет, к этому я не был готов. Ай, да Игорь Александрович, психоаналитик – твою мать.

Глава 9

Воскресенье. Раньше я очень любила воскресенье. Его спокойное, размеренное течение времени. Когда никуда не надо спешить, можно выспаться, потом приготовить плотный завтрак на кухне и упасть на диван перед телевизором. Лежать, лениво переключая пультом с канала на канал, пока не наткнешься на какое-нибудь старое, доброе советское кино. Что-то вроде «Служебного романа» или «Москва слезам не верит». И смотреть, повторять врезавшиеся в память реплики героев и легко, непроизвольно улыбаться. А потом, еще остается уйма времени и можно куда-нибудь сходить – в парк на прогулку, встретиться с подругой в кафе, или даже на свидание в кино. Сейчас все по-другому.

Гадкий, с постоянными разрывами сон, окончательно оборвался. Настенные часы показывали девять утра. Я проскользнула мимо спящего на диване, с широко раскинутыми руками Игоря. По комнате разносился его могучий храп. Неприятный, кислый запах блевотины и перегара, казалось, пропитал всю комнату. Вчера он пришел совсем не вменяемым и сразу отрубился. Я легла спать на кушетке во второй комнате. Тревожно вскидываясь, каждый раз, когда Игорь начинал, говорит во сне. Чувство разбитости, теперь, скорее всего, будет преследовать меня весь день. Не зажигая свет в ванной, стала умываться под холодной водой. Но и проника-

ющего в раскрытую дверь, утреннего тусклого света вполне хватало для того, чтобы я могла разглядеть в зеркале огромный синяк под своим глазом. Зубная щетка больно задевала припухшую губу. Я прошла на кухню. Собрав ноги под себя, уселась на стул и закурила. Вообще-то я давно бросила. Но, вот последний месяц вновь стала злоупотреблять. Что-то опять произошло в голове, и я отъехала на второй план. Теперь, как будто я видела себя со стороны. Вернее даже не себя, а все ту же девочку. Она сидела на стуле, поджав ноги, и кто-то за окном второго этажа привлек ее внимание. Это был бородатый мужчина, в котором странно смешались черты ее отца, Игоря и кого-то еще, знакомого, но не узнаваемого. И непонятно было, как и на чем он стоит, находясь вровень с окном. Мужчина махал рукой девочке и, говорил, но что, не было слышно.

– Вы мой отец? – спросила она.

Мужчина покачал головой в знак отрицания. Затем, что-то неуловимо сдвинулось в картинке и его голос зазвучал прямо в голове девочки, как и в моей.

– Нет, я не твой отец, но я буду помогать тебе, видеть сны. Пойдем, – говорил этот голос.

И перед глазами вдруг, замелькала череда воспоминаний, выстраиваясь в одну линию.

Это были каникулы перед выпускным классом. Девочку и ее брата, отвезли в пионерский лагерь. Кажется на средний поток, июль медленно переходил в август. Девочке в лаге-

ре, как-то сразу понравилось и стало легко. Благодаря своей необычной красоте, она быстро стала популярной среди мальчишек старших групп. И теперь вовсю наслаждалась отдыхом. Старшие игнорировали утренний подъем с гимнастикой, вставали только к завтраку в столовой и никаких общественных нагрузок. Озеро в жаркие дни, да дискотеки по вечерам, а еще можно было слянуть в расположенную недалеко деревушку. Там наесться мороженого и купить сигарет, чтобы потом не особо и, прячась от вожатых, курить в лагере. На фоне того, что сейчас происходило у девочки дома, здесь ей было легко. Чего нельзя было сказать о ее младшем брате. Он постоянно с кем-то ссорился, дрался, ходил угрюмым и со сбитыми кулаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.